

ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА II

ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И
ОБРАЗОВАНІЯ.

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1897.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета при
Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Деканъ Д. Бѣляевъ.

2007042180

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАНІЯ. (*)

Въ 48-мъ №-рѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1764 годъ сообщалось между прочимъ слѣдующее извѣстіе: „Сего іюня 7 дня, по полудни въ 4 часу, благоизволила Ея Императорское Величество, съ нѣкоторыми знатнѣйшими двора своего особами, удостоить своимъ высокомонаршимъ посѣщеніемъ статскаго совѣтника и профессора господина Ломоносова въ его домѣ..., — чѣмъ подать благоволила новое высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ отечествѣ“ ¹⁾... Современники къ этому добавляють, что ближайшимъ поводомъ въ посѣщенію была болѣзнь Ломоносова ²⁾. Это было дѣйствительно за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти...

Фактъ посѣщенія Императрицею великаго писателя не только ярко рисуетъ передъ нами царственное великодушіе Государыни,—но и самъ по себѣ является весьма знаменательнымъ. Это была встрѣча величайшихъ представителей двухъ періодовъ нашей литературы XVIII в.,—встрѣча двухъ эпохъ

(*) Читано въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета, 24 ноября 1896 г.

литературы... Одна уже сходилa со сцены, другая только что готовилась выступить.

Ломоносовъ стоитъ во главѣ нашей новой литературы; лишь съ него, приблизительно съ 30-хъ гг. XVIII в., начинается новый періодъ этой литературы, лишь его литературная и научная дѣятельность проводить рѣзкую и наглядную грань между старой, до-петровской, письменностью и нашей дальнѣйшей литературной исторіей,—давшей въ концѣ Пушкина... Петръ Великій сдѣлалъ возможнымъ провести эту грань, ускорилъ ея появленіе, но ему не суждено было видѣть плоды своихъ просвѣтительныхъ начинаній, не суждено было дожидаться того—уже очень близкаго къ нему—времени, когда на Руси возшли первые ростки насаждавшейся имъ новой русской литературы...

Литература петровскаго времени, литература первой четверти XVIII вѣка—еще всецѣло литература XVII вѣка: тотъ же общій характеръ, то же содержаніе, даже тѣ же дѣятели.. Конечно, нельзя не видѣть въ ней и весьма существенныхъ особенностей, обусловливавшихся обстоятельствами реформъ; наше вниманіе особенно привлекаетъ величавый образъ самого преобразователя, его кипучая дѣятельность, столь рѣшительно сказывающаяся и на литературѣ,—послѣдняя отличается небывалымъ дотолѣ богатствомъ возбуждательной энергіи... Для Россіи какъ будто только теперь, при Петрѣ, вводится книгопечатаніе,—покрайней мѣрѣ только теперь русское общество инстинктивно начинаетъ сознавать все значеніе этого великаго изобрѣтенія: за 25 лѣтъ печатается больше, чѣмъ въ два предшествовавшія столѣтія... Но вообще литература петровскаго времени самымъ тѣснымъ образомъ еще примыкаетъ въ старой московской письменности. При всѣхъ извѣстныхъ особенностяхъ, въ общемъ эта литература—еще продолженіе прежней, продолженіе литературы Московскаго Государства XVI—XVII вв., и вращается преимущественно въ сферѣ тѣхъ же церковныхъ интересовъ. Собственно литературы, литера-

туры поэтической, и теперь, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ, какъ не было ея и раньше, во всемъ древнемъ періодѣ нашей литературы,—за самыми ничтожными исключеніями...

Съ наступленіемъ дѣятельности Ломоносова, содержаніе русской литературы, весь ея характеръ, разомъ дѣлается совершенно другимъ... Впервые появляется поэзія,—можетъ быть, съ нашей точки зрѣнія, слишкомъ холодная, риторичная, но все же поэзія настоящая, въ обычномъ, общеевропейскомъ смыслѣ этого слова, поэзія, приводившая въ восторгъ современниковъ и непроходимой пропастью отдѣлявшаяся отъ всего того, что исполняло должность поэзіи у насъ въ XVII в. Славою Ломоносова, какъ поэта, былъ полонъ весь нашъ XVIII в. и вмѣстѣ съ Державиннымъ имъ зачитывались, можно сказать, вплоть до самого Пушкина... Еще Мерзляковъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ критиковъ начала текущаго столѣтія, восхищался его стихами... Величайшей заслугой ломоносовскаго періода литературы, и въ частности—самого Ломоносова было созданіе литературнаго языка. Этого языка не имѣла еще ни петровская литература, ни тѣмъ болѣе до-петровская... Дѣлу Ломоносова въ области поэзіи существенно помогъ Сумароковъ. Вмѣстѣ съ лирической дѣятельностью „россійскаго Пиндара“, драматическія произведенія „россійскаго господина Вольтера“—онъ же и „россійскій господинъ Расинъ“—чрезвычайно разширили область поэтической литературы, являлись какъ нельзя болѣе естаті, самымъ могущественнымъ образомъ дополняя и подкрѣпляя дѣятельность „россійскаго Пиндара“... Если Ломоносовъ положилъ начало русской лирикѣ,—Сумароковъ далъ начало русской драмѣ. Подобно лирикѣ Ломоносова, и драматическія произведенія Сумарокова, при всемъ ихъ, въ поэтическомъ отношеніи, общемъ невысокомъ характерѣ, непроходимой пропастью отдѣляются отъ драматическихъ „дѣйствъ“ петровскаго и до-петровскаго времени.